

ПРАВДИВЫЕ ПРЕДКИ И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ-ПОТОМКИ

М. КУРГАНЦЕВ

НЕЛЬЗЯ улучшать и приукрашивать историю. Эту неоспоримую истину забывают сегодня некоторые ученые Китая. Следуя за националистической, раскольнической линией руководителей КПК, они превращают историю в служанку политики, раздувают и возвеличивают те события прошлого, которые, на их взгляд, помогут обосновать особую руководящую роль Китая во всемирной истории.

В китайской печати не случайно появился ряд статей, непомерно восхваляющих заслуги кровавого завоевателя Чингис-хана и характеризующих мрачное господство монгольской династии Юань (1280—1367) как период «великого объединения страны».

Перелистаем страницы китайского журнала «Лиши яньцзю» за истекший год. В номере третьем опубликована статья Хань Жу-линя «О Чингис-хане». Автор начинает ее с заявления о том, что некоторые исследователи «...делают упор на убийства и разрушения, произведенные монголами в войне, но не видят той прогрессивной роли, которую сыграл Чингис-хан в истории». Далее Хань Жу-линь раскрывает, в чем выразилась эта роль. Оказывается, монгольский завоеватель, который вместе со своими наследниками залил кровью сотен тысяч людей огромные пространства Азии и Восточной Европы, совершал эти беспримерные злодеяния с целью... укрепления культурных связей между Востоком и Западом. Хань Жу-линь так и пишет: «...Чингис-хан смело границы на большом пути связей Востока и Запада, сравнял с землей крепости и бастионы, которые препятствовали экономическим и культурным отношениям, и после этого взаимные связи Востока и Запада начали процветать».

Еще немного — и можно будет рассматривать Чингис-хана как образец деятеля, построившего на развалинах городов и костях народов «новую, более высокую цивилизацию». Как легко от практики прошлого перекидывается мост к китайским теориям сегодняшнего дня!

И все-таки, даже обращаясь с историей столь легкомысленно, китайские ученые с трудом могут отрицать тягчайшие последствия монгольского нашествия для народов Средней Азии, Ближнего Востока, Кавказа, Руси, Восточной Европы. Историка Чжоу Лян-сяо, автора статьи о Чингис-хане в четвертом номере журнала «Лиши яньцзю» за 1962 год, мало трогают страдания этих народов. Он считает, что чудовищная жестокость монгольских завоевателей на Западе полностью компенсирована их заслугами перед Монголией и Китаем (эти две страны рассматриваются им как одно неразрывное целое). Чжоу Лян-сяо пишет: «В деятельности Чингис-хана главным являются его заслуги в дальнейшем историческом развитии Монголии и всего Китая. Он...

личность, которая сыграла положительную роль и в истории Китая». Столь же высоко оценен китайскими историками и другой монгольский властитель — император Хубилай, о котором газета «Гуанмин жибао» писала 21 января 1962 года: «Хубилай внес выдающийся вклад в развитие нашего единого и многонационального государства».

Историков отделяет шесть столетий от деятелей, столь безапелляционно поднятых ими на щит. А что говорят современники Чингис-хана и Хубилая — китайские поэты XIII—XIV веков, которые были живыми свидетелями «выдающихся вкладов» в китайскую и всемирную историю? Послушаем их.

Вот что писал о своем времени поэт Вэнь Тяньсян (1236—1282):

*Не изменились шумные леса.
Не изменились тихие долины.
Но в городах, но в селах и предместьях
Людей осталась только половина.*

Сюйцзюнь Бао-ци, поэт второй половины XIII века, в своих оценках монгольского нашествия на Китай явно не согласен с нашим современником Чжоу Лян-сяо. В его стихах мы находим строки:

*Мир цветущего счастья,
Трехсотлетний покой,
Сад науки, искусства,
Сад культуры людской, —
Все погибло, пропало,
Как метлой сметено!..*

А вот строки поэтов периода монгольской династии Юань. Ма Цзу-чан (1279—1344) рисует такую картину:

*Горемыки беженцы!
Не знают,
проживут ли день и ночь протянут,
или завтра
им рассвет не встретить.*

*Горемыки беженцы!
Их трупы
устылают все пути-дороги,
а живые —
мертвецам соседи.*

*Горемыки беженцы!
Готовы
женщину сменять на доу¹ риса
и отдать
ребенка за гроши.*

¹ Доу равна 10,35 литра.

Поэт Сян Юй-шу (около 1300 года) так рисует положение земледельцев Китая в ту далекую эпоху:

*Было время — рис отборный
Привозил сюда нередко.
А теперь работник-пахарь
Просит в городе обеды.*

*Меньше пахарей на поле,
Что ни год — неурожаи.
Что же дальше, дальше будет? —
Голод людям угрожает.*

В стихах Лю Цзи (1311—1375) отражена трагедия китайского крестьянства периода Юань:

*На полях растут одни окопы,
И крестьянин каждый вечно ждет,
Что к нему с минуты на минуту
Смерть неотвратимая придет...*

*Нынче же зерно и труд бесплатный
Отдавать принудили народ.
А казна и житницы скудеют
И совсем пустеют каждый год.*

Горе, ставшее повседневным и будничным, сквозит в стихах поэта Най Саня (около 1350 года):

*...Жалка моя лачуга!
Копилка тускло светит в темноте.
Над кровлю дырявой вост вьюга,
И холод пробирает до костей.
Подходит смерть... Кувшин с зерном пустеет,
Истрачен на еду последний грош...*

И вполне естественна гневная скорбь, которой пронизаны строки Ван Мяня (около 1350 года), звучащие как приговор бездарным честолюбцам, обрекшим Китай на тяжелые бедствия:

*На ногах с голодухи уже не держась,
Еле ползают там старики с малышами.*

*Разве знал кто-нибудь из людей прежних дней,
Что подобные беды стрясутся над нами?*

*Что же думают пахари дальних равнин,
Старики рыболовы Янцзы полноводной?*

*Я во сне перенесся южнее реки —
Встали волосы дыбом от муки бесплодной.*

*От рожденья твердят мне, что все хорошо,
Если что-то не так — как-нибудь обойдется;*

*Почему же сегодня мне трудно дышать,
И тоска на душе моей все не уймется?*

*Вот я двери раскрыл и кругом поглядел —
Тучи черные на небе пятнами туши...*

*И пустые слова не исправят беды,
И от жалоб тоска не становится глуше...*

Так правдивые свидетельства поэтов далекого прошлого уличают сегодняшних фальсификаторов истории.

Чжан Чжу (1286—1368) — китайский поэт времен монгольской династии Юань. Две его миниатюры «Прочитал в письме» — подлинное свидетельство того «процветания» и «прогресса», который был принесен Чингис-ханом и его наследниками китайскому народу.

ЧЖАН ЧЖУ

ПРОЧИТАЛ В ПИСЬМЕ

I

В канавах люди
пожирают трупы,
Ребенка мать
бросает на дорогу —
Прохожие
глаза отводят тупо:
Они помочь
уже ничем не могут.
В сплошной войне
идут десятилетия,
Промозглым ветром
бьет людей ненастье.
Вернусь домой —
скажу жене и детям:
— И жидкая похлебка —
это счастье.

II

Для мертвецов
долбят в земле могилы,
А к трупам
пробираются лисицы.
Глаза у трупов
выест черный ворон,
Голодный волк
обезобразит лица.
Нашлись тела замерзших...
Слились в тризне
Плач мертвых душ
и ветра завыванье.
Непостижим
закон жестокой жизни.
Где в небесах
хоть капля состраданья!!

Перевел с китайского
Ю. Попков